

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

И.Г. Минервин

ЖИВУЧИ НА РУСИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ (ЧИТАЯ ИСТОРИЮ СТРАНЫ)

Минервин Игорь Георгиевич – кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Рассмотрение проблем сегодняшнего дня через призму исторического опыта позволяет показать типические явления российской действительности, влияющие на общественное и экономическое поведение граждан страны. Понять существующие общественные отношения, истоки социального и морального кризиса, охватившего страну после падения квазикоммунистической системы, невозможно, не обратившись к истории. Обратимся к примерам стойкого социокультурного стереотипа (по другой терминологии – культурного кода), в изобилии представленных российскими историческими исследованиями¹.

Говоря о допетровской Руси, т.е. о русском Средневековье, Н.И. Костомаров отмечает, что внутренняя торговля здесь была стеснена бесчисленным множеством сборов и пошлин, трудностью и неудобством путей сообщения. Притом правительство само активно занималось хозяйственной деятельностью, вело торговлю, и с ним невозможна была никакая конкуренция. Уже существовала казенная продажа вина, учреждены кабаки; первые известия об их существовании относятся к последним годам царствования Ивана Грозного,

1. Примеры, в основном, почерпнуты из работы Н.И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Источников для подобного анализа, на самом деле, невероятное множество. Вся великая русская литература представляет нескончаемое повествование о человеке в условиях российской действительности. Здесь есть все: от острых социальных картин (практически вся классическая литература) и социально-политической публицистики Герцена и Салтыкова-Щедрина до конкретных описаний нравственности и культуры, актуальных и сегодня (например, Мамин-Сибиряк, «Сибирские рассказы» и др. или Мельников-Печерский, «Медвежий угол» и др.).

и, как пишет Костомаров, способ увеличивать казну за счет людского пьянства принадлежит ему.

Историки отмечают, что русский человек того времени, если имел достаток, то старался казаться беднее, чем был, боялся пускать свои денежки в оборот, чтобы, разбогатевши, не сделаться предметом доносов и не подвергнуться царской опале, за которой следовало изъятие всего его достояния «на государя», что было общепринятой практикой, особенно при Иване Грозном. «Неуверенность в безопасности, постоянная боязнь тайных врагов, страх грозы, каждую минуту готовой ударить на него сверху, подавляли в нем стремление к улучшению своей жизни, к изящной обстановке, к правильному труду, к умственной работе. Русский человек жил как попало, приобретал средства к жизни как попало; подвергаясь всегда опасности быть ограбленным, обманутым, предательски погубленным, он и сам не затруднялся предупредить то, что с ним могло быть, он также обманывал, грабил, где мог поживлялся на счет ближнего ради средств к своему, всегда непрочному существованию. От этого русский человек отличался в домашней жизни неопрятностью, в труде ленью, в сношениях с людьми лживостью, коварством и бессердечностью» [Костомаров. Вып. 3, гл. 23].

Русь была совершенно лишена мощного нравственного воздействия, подобного тому, какое испытал древний Китай со стороны учения Конфуция и его последователей, а в западной культуре и в Новое время – моральных философов и пропагандистов деловой этики типа Бенджамина Франклина и Макса Вебера. Церковь по вполне объективным причинам в этом плане свое предназначение в целом не выполнила, несмотря на наличие многих церковных деятелей на протяжении всей истории, которые служили примером высокой нравственности, честности и бескорыстия, не будучи при этом столпами реакционности и консерватизма (таких как митрополит Филипп, архимандрит Дионисий и др.).

Время царствования Алексея Михайловича – это время вызревания будущего переворота в культурной ориентации верхних слоев общества, совершенного Петром I. «Злоупотребления насильствующих лиц и прежде тягостные не только не прекратились, но еще более усилились в царствование Алексея, что и подавало повод к беспрестанным бунтам. ...При господстве страха в отношениях подданных к власти, естественно, законы и распоряжения, установленные этой властью, исполнялись настолько, насколько было слишком опасно их не исполнять, а при всякой возможности их обойти, при всякой надежде остаться без наказания за их неисполнение, они пренебрегались повсюду, и оттого верховная власть, считая себя всемогущей, была на самом деле часто бессильна» [Костомаров. Вып. 4, гл. 3]. Репрессии, опора на силовые структуры никогда не спасала от бунта, а только задерживала развитие.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Произвол был характерен не только для высших уровней государственной власти. Он был распространен и в отношениях между людьми на всех уровнях общественной жизни, даже между крестьянами. «Находясь в полном повиновении у владельца, крестьяне должны были иногда исполнять, по их повелению, и незаконные дела; так вотчинные и помещичьи крестьяне, по приказанию господина, нападали на крестьян другого владельца, с которым их господин был в ссоре. Эти явления совпадали с произволом, господствовавшим во всем и повсюду. Сильнейший давил слабейшего; низший исполнял незаконные приказания высшего» [там же, гл. 3].

Один из фундаментальнейших вековых принципов взаимоотношений российского общества и государства состоит в государственном устройстве, которое обеспечивает максимальную прибыльность для государственной казны и, следовательно, для государственной власти и по этой же причине – для коррупционеров и воров, служащих государственной власти за возможность обирать эту всепоглощающую казну, причем всегда за счет благосостояния народа. Это не проходит бесследно и для самого народа, который остается при всем том невежественным в политике и безнравственным в быту.

Долготерпение и политическое невежество народа служили благоприятной почвой для бесправия и злоупотреблений власти, а последние – для периодических протестов, выливавшихся в бунт, бессмысленный и беспощадный. За этим следовало подавление бунта, водворение старого бесправия, казавшегося власти восстановлением порядка, и все начиналось сначала.

Эпоха Петра – это время величайших социально-экономических преобразований, заложивших основы будущего развития, и одновременно – это новый виток насилия.

Правление Петра I ознаменовалось жестокими, крутыми преследованиями всего противного высочайшей власти, что продолжалось и при его преемниках.

Реформы Петра в невежественной массе воспринимались как происки антихриста. «Русский народ видел в своем царе противника благочестия и доброй нравственности; русский царь досадовал на свой народ, но настойчиво хотел заставить его силою идти по указанной им дороге. Одно давало ему надежду на успех: старинная покорность царской власти, рабский страх и терпение, изумлявшее всех иноземцев, то терпение, с которым русский народ в прошедшие века выносил и татарское иго, и произвол всяких деспотов» [Костомаров. Вып. 6, гл. 15].

Когда Петр отправил за границу молодых людей для обучения морскому делу и другим наукам, это вызвало сильный ропот. В России, жившей столько веков в отчуждении от Запада, постоянно господствовала боязнь, чтобы русские, усваивая знания от иноверных народов, не потеряли чистоты своей веры.

Петр видел реакционную роль церкви и поэтому «задвинул» ее под светское управление (ликвидация патриаршества и учреждение Св. Синода) [см.: Церковная реформа Петра I].

Был введен ряд узаконений по переустройству церкви. Например, священник делался слугою государственной власти и должен был ставить интересы ее выше церковных правил. Указом 17 мая 1722 г. в обязанность всем духовным отцам вменено доносить о тех лицах, которые на исповеди сознаются, что они имели злой умысел против государя.

В развитии промышленности и хозяйства в России во время Петра и его преемников поражает переплетение методов и подходов, свойственных различным эпохам и экономическим системам, что, по-видимому, отражает как стремление двигаться вперед за передовыми странами в постоянных попытках догоняющего развития, так и колоссальные трудности в его преодолении, стойкое отставание, консерватизм практически всех слоев общества за исключением отдельных наиболее дальновидных его представителей, общее состояние хозяйственной, трудовой, межличностной культуры, дремучее по-прежнему отношение к личности и ее правам, укоренившиеся стереотипы поведения и, как результат, тяготение к неэкономическим, нерыночным формам организации производства. Постоянно чувствовался «недостаток достойных людей», особенно на местных уровнях управления. Задача создания независимого суда, ставилась неоднократно, в том числе Петром I [Соловьёв С.М. Т. 18, гл. III], но так и не была отмечена реальным прогрессом вплоть до судебной реформы Александра II.

В XVIII в. интенсивно развивается промышленность, во многом благодаря импульсу, заданному Петром I. Обращает на себя внимание значительное участие государства в этом процессе (государственного предпринимательства), что также является прямым наследием исторической траектории. Так, казенные оружейные заводы подчинялись оружейной канцелярии, находившейся в ведении военной коллегии. Многие заводы, особенно в оружейной, металлургической промышленности, оставались казенными или отдавались на откуп с припиской к заводам крестьянских дворов.

Частные фабрики можно было заводить с разрешения мануфактур-коллегии, а без такого разрешения фабрика подвергалась со всеми своими инструментами конфискации. Купцы, получившие «привилегию», пользовались различными преференциями, особенно в случае поставок на нужды армии: предоставлением казенных помещений, освобождением от податей, разрешением покупать крестьян без земли для употребления на фабричные работы, рубить казенный лес, осуществлять беспошлинный импорт материалов в течение ряда лет. Например, всем в России, занимающимся суконным производством, была дана привилегия не брать их крестьян в рекруты, а платить произведенным сукном на армию.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Важной составляющей политики оживления промышленности и торговли были и экономические меры, в том числе учреждение дворянского и купеческого банков. На заведение фабрик выдавались долгосрочные (до десяти лет) казенные кредиты, позволялась беспроцентная торговля в России на те же сроки.

С одной стороны, правительство понимало необходимость развития рыночных отношений и предпринимательства и стимулировало его с помощью налоговых и кредитных инструментов, с другой – использовало древние, чисто феодальные формы, позволяя предпринимателям – не только своим, но и иностранным – покупать крепостных без земли, т.е. использовать рабский труд. Возникает вопрос, мог бы Сталин использовать в экономике XX в. армии рабов (заключенных ГУЛАГа) и крепостных (колхозников, лишенных гражданских прав), если бы не опыт, освященный столь давними примерами и столь стойкими традициями. Безусловно, этому способствовали теоретические «изыскания» об отсутствии товарно-денежных, рыночных отношений при строе, названном словно в насмешку социализмом. Такой идеологической поддержки были лишены правители старой России.

Эпоха Николая I в русской истории вполне может быть названа эпохой застоя, открывшей череду подобных времен блокирования сверху всяких попыток какого-либо политического движения, не говоря о модернизации, и на этом фоне – расцвета коррупции, воровства, постепенного падения общественной морали и деградации господствующих социальных слоев. Самая точная и лаконичная оценка дана Гоголем: «Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет», причем это касается, конечно, и сферы государственного управления. Политическую жизнь, ее внешние проявления можно остановить с помощью жандармского управления, но это не означает остановки социальных процессов, накопления социальной напряженности, ведущего опять-таки к взрыву.

Поэтому Октябрьский переворот 1917 г. можно рассматривать как контрреволюцию, возврат к старым полуфеодальным отношениям, крайний протест против бурного развития капитализма и демократических форм правления в России. История российских реформ от Александра II до Столыпина была, по сути, попыткой изменить историческую траекторию и выйти на новую модель развития, прерванную в октябре 1917 г.

* * *

Эти краткие исторические отступления позволяют выделить некоторые узловые негативные моменты российского социокультурного наследия (культурного кода).

Сакрализация власти. Потрясающая покорность большинства народа власти, даже самой жестокой и несправедливой, во многом объясняется смирением перед Божьей волей, а страдания, выпадающие на долю народа, ниспосланы Богом. Многие эпизоды борьбы за власть, возникавшие в периоды крайнего обострения социальных отношений, окрашивались самозванством, т.е. обращением к тому же фактору сакрализации власти. Конституционное право, согласно которому власть принадлежит народу и народ вправе свергнуть правительство, не выполняющее своего предназначения, т.е. не служащее его интересам, является неотъемлемым элементом исторически сложившейся европейской, а сегодня, пожалуй, и общемировой культуры.

Показная благопристойность и нетерпимость критики. Российские власти для прикрытия внутреннего беспредела всегда очень заботились о внешнем имидже – страны и своем собственном. Внутри страны – терпимость власти по отношению к любым безобразиям, незаконию и коррупции, но внешне все должно было быть благопристойно. На это была нацелена и царская пропаганда (не нужно думать, что это изобретение большевиков). Разоблачения встречали отпор и попытки опровержения. Примеров много, один из них – остро критичная по отношению к российской действительности XIX в. книга де-Кюстина, на которого правительство Николая I напустило «разоблачителей» в виде лояльных околотитературных деятелей с обвинениями во лжи. Конечно, с Герценом и заграничной печатью большевиков царской власти было сложнее. Здесь надо было не только бороться за имидж, но и тушить искры, чтобы не разгорелось пламя. Не помогло.

То же самое повторяется на новом историческом витке в действиях большевистской власти: кровавый террор внутри и видимое благообразие, представление себя в виде борцов за справедливость и строительство нового общества. Приглашают, принимают, беседуют с иностранными писателями, общественными деятелями, политиками. Для этой цели был использован и М. Горький как авторитетный за рубежом человек.

Консерватизм и роль церкви. Новшество всегда отторгается в пользу привычной старины.

Петр попытался ввести, например, перемены в порядок наследования дворянской собственности, он стремился не только предотвратить ее дробление и постепенное вырождение дворян как класса, но и оказать определенное воспитательное воздействие. Как сказано в принятом указе, разделение недвижимых имуществ после умерших родителей между детьми «великий есть вред как интересам государственным, так подданным и самым фамилиям падение». Но нельзя легко изменить то, что освящено многовековыми привычками, укоренилось в нравах и традициях. Несмотря на старание Петра, майорат, господствовавший в Европе, так и не привился в России.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Консервативное влияние церкви начало проявляться в отношении с внешним миром под лозунгом борьбы с еретичеством, поскольку этот мир не был православным. Раскол в России стал формой протеста против нового в крайней форме.

О роли церкви в формировании общественного сознания и культуры много написано (Кант, Толстой). Характерная особенность отечественной церкви состоит в том, что она принадлежит по сути своей целиком российской, а не православной в целом культуре.

Еще одна особенность российской церкви – отсутствие чистилища в православном религиозном учении, где есть только два полюса – рай и ад. Такая биполярность, отсутствие середины, промежуточных степеней качества порождает и экстремальное, биполярное, прямолинейное черно-белое мышление, основанное на прямых противопоставлениях – добро – зло, свой – чужой, – и объясняет неизбежный экстремизм революции, как и всякого бунта, и лозунгов типа «кто не с нами, тот против нас» и т.п. Отсюда и последствия неприятия нового, доходящие до бунта, подчас «бессмысленного и беспощадного».

Неприятие изменений. Это, возможно, одна из наиболее примечательных черт рассматриваемого социокультурного стереотипа. Ведь успешность всякой реформы зависит не только от решительности реформаторов и обоснованности самого нововведения, но и от готовности к его восприятию со стороны участников, т.е. всех, кого она касается. Эта черта затрагивает самый широкий спектр сторон жизни, как общественной, так и личной, и коренится во глубине веков (новые правители неизменно обещают возврат к традициям предков).

В теории нидерландского социолога Г. Хофстеда эта боязнь новизны определяется как степень ощущения угрозы, которую чувствуют представители данной культуры в ситуации неопределенности или неизвестности [Hofstede, p. 161]. Потенциальное воздействие на поведение, в том числе и на экономические решения, определяется в данном случае такими факторами, как стремление избежать риска, потребность в более жестких правилах и структурах, предпочтение формализованных контрактов, негативное отношение к конкуренции и т.п. Одним словом, подразумевается правило: «Что ново, то опасно».

Отсутствие естественного стремления к новизне, предпринимательству можно рассматривать как наследие режимов, нетерпимых ко всякой свободе и инициативе, и оно служит мощным препятствием для превращения выдающихся и прорывных изобретений и открытий в инновации, меняющие облик производства и несущих выгоды не только их творцам, но и обществу в целом. Одним из следствий этого поведенческого стереотипа, дошедшего до наших дней, является низкий уровень трудовой и профессиональной мобильности, отрицательно сказывающийся на занятости и уровне жизни.

Синдром кавалерийской атаки. Например, опричнина Ивана Грозного была по своим методам явной кавалерийской атакой с целью устранения массы неугодных людей, мешавших единовластию, и, конечно, завладения их собственностью. Возможно, это стало заразительным примером: придя к власти, можно делать все, что способствует достижению поставленной цели, а это, кстати, вполне ленинский принцип.

Два примера поражают сходством манеры исполнения при противоположности направления: тотальное огосударствление после переворота 1917 г. («кавалерийская атака на капитал») и тотальная приватизация после 1991 г. Захват политической власти в России большевиками в октябре 1917 г. сопровождался установлением экономической власти, которая распространялась на землю, банки, крупные промышленные предприятия, железные дороги, помещичьи имения и т.д. Рабочие занимали предприятия, прогоняли их хозяев, но при этом управление производством переходило не в руки рабочих и крестьян, как утверждалось в лозунгах и политических требованиях, а в руки большевиков.

Захват политической власти «шоковыми терапевтами» в 1991 г. сопровождался тотальным акционированием, обернувшимся в конечном счете захватом экономической власти околосударственной олигархией. Акционирование в пользу трудовых коллективов быстро провалилось, в том числе из-за полной их неспособности к эффективному выполнению функции собственника, коллективы опять остались ни с чем. Видимо, метод «кавалерийской атаки на капитал», провозглашенный и осуществленный большевиками, пустил глубокие корни в менталитете реформаторов. Такая приватизация, какими бы благими намерениями она ни обосновывалась, есть обман, она по своему существу аналогична тотальному огосударствлению по-большевистски, только с обратным знаком.

Вообще-то рыночная экономика не декретируется, она должна «прорастать» на новом поле, накопить потенциал, постепенно набрать силу, не вызывая диспропорций в сложившихся экономических структурах, связях и стимулах. Капитал создается, а не раздается, создается трудом, изобретательностью и риском предпринимателя, а не решением высокопоставленного бюрократа, тем более с нарочитыми нарушениями закона и нравственных норм.

Кадровая политика и неэффективность бюрократии. Испокон веков на Руси назначения на государственные посты базировались на принципе близости к власти, что сохранилось и после уничтожения местничества. Проблески системы назначений, основанной на merit rating, возникли при Петре I, что внешне выразилось, например, в учреждении ордена Андрея Первозванного. Тем не менее личная преданность так или иначе всегда служила и служит главным критерием. Собственно говоря, иначе и быть не может, и в этом нет ничего сверхъестественно порочного, если не переходить определенные

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

границы. Каждому руководителю нужна преданная команда, на которую он может опереться. Такая практика назначений свойственна всем формам власти, но при демократических системах она смягчается сменяемостью самой власти. Что касается авторитарных систем, то здесь иные принципы просто невозможны. Вопрос только в том, кому нужно это засилие неэффективной бюрократии. Ответ хорошо известен: всякий правящий режим нуждается в социальной базе, служащей для него политической опорой и источником подпитки.

Принцип личной преданности может оказаться обоюдоострым инструментом, поскольку, во-первых, критерии компетентности при этом отодвигаются на второй план и, во-вторых, преданность может перейти в несогласие, в противостояние и вражду. У маниакально подозрительных лидеров, всеми силами стремящихся удержаться у власти, сознание такой возможности ведет к террору, совершенно необоснованному, не говоря о законности (Иван Грозный, Сталин), что не только не укрепляет, но разрушает систему.

Поэтому так важны моральные основы, нравственное воспитание, укрепляющие человека в преданности благородной идее, справедливым принципам и целям, в служении обществу.

Некоторые восточные общества пошли по линии моральной проповеди, обращенной и к правителям, и к подданным, европейские – по линии укрепления и соблюдения законности. Сегодня, как никогда ранее, необходима конвергенция этих двух императивов. Там где они отсутствуют, перспективы очень мрачные.

Централизация власти и внесистемность построения структур управления. В Древней Руси ее правители представляли одну семью, с тем или иным успехом державшую все – великий и удельные – княжеские столы. Такой тип властных государственных отношений, близкий восточно-деспотическому («ордынскому») типу, установился на Руси еще в доордынский период и характеризовался скорее враждой, чем единением. Фактически это означало отсутствие вассалитета по типу Западной Европы. Вместе с тем стремление к централизации власти, завершающееся неограниченным самодержавием, проходит красной линией через всю историю России. Централизация может быть эффективным методом управления, но только в чрезвычайных ситуациях, как метод антикризисного управления. В противном случае она ведет к отрицанию важнейшего принципа саморегулирования в рамках больших систем.

Обычно аргумент о саморегулировании опровергается доводом о неуправляемости огромной страны, невозможности согласовать деятельность ее частей, опасности доминирования частных интересов и бесконтрольности, открывающей простор для беззакония и коррупции. Дело представляют таким образом, что нельзя управлять большой системой (гигантской страной,

ее хозяйственным комплексом) без жесткой централизации, что в противном случае она якобы распадется. Однако системный подход подтверждает, что именно попытки управлять всем и вся из центра приводят к неуправляемости. Проблема в том, как совместить максимально широкое самоуправление на местах, т.е. приближение локализации принятия управленческих решений как можно ближе к месту возникновения потребности в них, с централизованным контролем, т.е. постоянной сверкой результатов функционирования подсистем с общесистемным целеполаганием и коррекцией отклонений.

Все системы независимо от своего класса (будь то физические, биологические или социальные) обладают общими элементами – входом (для экономики это затрачиваемые ресурсы), выходом (результат функционирования), процессором (механизм превращения затрат в результаты) и обратной связью. Наличие саморегулирования на основе обратных связей на всех уровнях – один из краеугольных принципов системной теории. В сложных системах саморегулирование необходимо и реально существует на всех уровнях (во всех подсистемах) – в социальных системах вплоть до индивида (в биологических – вплоть до уровня клетки), и придает всякой системе устойчивость и жизнеспособность.

Все дело в разделении функций, обоснованном и стабильном. Саморегулирование в виде местного самоуправления вовсе не означает неограниченной самостоятельности или неконтролируемой автономии. Оно означает наличие механизмов, заставляющих подсистемы действовать в нужном для системы в целом направлении. Чем сложнее система, чем из большего числа иерархических подсистем она состоит, тем насущнее для нее наличие свойства саморегулирования. Без него не может существовать никакая система. Многочисленные необходимые при этом формальные органы координации не способны достичь эффективности. Единственным действительным координирующим началом является общность цели. Когда у каждого звена и элемента системы она своя, личная, никакие административные надстройки не помогут.

Демократия, между прочим, есть набор механизмов, обеспечивающих такое саморегулирование в социальной (общественной) системе. Ее элементы (в первом приближении) таковы.

– Электоральная система (именно система, а не результат). Она обеспечивает важные сигналы для власти – а все ли благополучно в царстве-государстве (даже если она, т.е. власть, не меняется, может меняться ее политика). Если выборы сфальсифицированы, то этот элемент фактически отсутствует.

– Народное представительство. Смысл его в учете всех общественных интересов, всех групп и слоев населения, в том числе интересов меньшинства (а не только большинства, т.е. фактически властной элиты, маскирующейся

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

под большинство). Обычно реализуется с помощью механизма многопартийности. Смысл – в создании механизмов сдержек и противовесов, проще говоря, в защите бедных от богатых и богатых от бедных. Понятно, почему так ненавидят демократию носители марксистской идеи классовой борьбы.

– Разделение властей. Служит предохранителем от произвола и от узурпатора. Различные ветви имеют различные функции и контролируют друг друга.

– Независимая судебная система, обеспечивающая безусловное равенство перед законом. Это элемент разделения властей очень важный, ибо обеспечивает стабильность и общественное спокойствие (если очень хочется, то можно добавить и справедливость).

– Политические свободы и права человека. Здесь демократия сливается с либерализмом (в его политическом смысле), выступает как его воплощение, как демократический либерализм.

– Свободная пресса. Это своего рода вторая и постоянно действующая и очень важная сигнальная система.

Таким образом, видно, как далеко ушло понятие демократии от простого перевода с греческого языка.

Отношение к труду. Саморегулирование в экономической системе – это многообразное явление. Затронем лишь один аспект – мотивацию к труду (отнюдь немаловажный).

В России в системе социокультурных ценностей труд сознательно или, что еще хуже, подсознательно веками воспринимался и продолжает восприниматься как наказание. Снова вспомним о церкви, и в этом нет ничего удивительного, ибо церковь как институт культуры оказывала и продолжает оказывать на нее огромное влияние. Провинившихся верующих и монахов в монастырях наказывали разными работами, причем, как правило, бессмысленными (епитимья). Праздник ассоциировался с бездельем, о чем говорит и семантика слова (праздность – это отсутствие труда, безделье). Как уточнял Антоний Сурожский, праздновать – значит «оставаться без дела». Таких «праздников» церковь насаждала огромное множество. Так и сложилось соответствующее отношение к трудолюбию и добросовестному труду. Между тем было бы правильно в воспитательном смысле наказывать человека отлучением от труда: смотри, все пошли работать, а ты будешь сидеть без дела, пока не поймешь ценность труда.

Прослеживается и связь между такими, казалось бы, далекими друг от друга сферами, как модель взаимоотношения общества и власти, с одной стороны, и отношением граждан, членов этого общества к общественным обязанностям, в том числе и в первую очередь к труду – с другой. Диалектика отношений свободы и ответственности – важнейшая, фундаментальная тема, здесь отметим лишь, что мотивация к труду является одним из элементов

механизма саморегулирования на первичном уровне, т.е. на уровне клеточки хозяйственной системы – человека. Именно этот механизм в нормальных условиях заставляет человека трудиться. Известная сентенция А. Смита здесь вполне уместна – действительно, мы обязаны своим обедом не благожелательности мясника, булочника и зеленщика, а тому, что они тоже хотят есть. Это, конечно, общая формула, в реальности мотивы разнообразны (когда-то их делили на экономические и неэкономические), но они должны быть. А если их нет, то что тогда? Тогда, хотим мы или нет, но возникает необходимость принуждения к труду: сначала общественное порицание, затем суд, потом принудительное нормирование за паек, дальше – прямое принуждение, надсмотрщик с палкой, трудовые лагеря, крепостное право. При этом не надо забывать, что именно свободный труд, т.е. труд мотивированный внутренними стимулами, наиболее производителен. Социализм и его плановое хозяйство на первых порах дали прилив энтузиазма, по крайней мере в некоторых локализациях и периодах, когда люди верили в обещания светлого будущего, когда же они поняли, что их обманули, началось новое крепостное право.

Труд незаинтересованный, без внутренней мотивации и тем более принудительный оказывается существенным тормозом роста производительности и эффективности. Низкий уровень производительности и качества труда может быть связан с отсутствием свободы как главного мотиватора реализации творческих способностей человека, с пережитками не преодоленного крепостного сознания, и не только в части его отношения к власти, начальству, хозяину. Ведь крепостной труд – это, по выражению В.О. Ключевского, «ежеминутный саботаж – работа, низверженная до допустимого законом минимума» [Ключевский, с. 441].

Недостаточно зрелое осмысление свободы и демократии. Это наследие, к сожалению, ощущается и сегодня. Проблема состоит в том, что прошлое еще не является прошедшим. Как точно сказано у классика «...свобода осмысляется только с определенного уровня сознания» [Солженицын. Красное колесо, Узел 2: Октябрь шестнадцатого, глава 30].

Большевики в соответствии со своей революционной доктриной попытались заменить вековую общечеловеческую мораль коммунистической моралью, основанной на идеологии классового боя, насилия, социального равенства, интернационализма и т.д., в которой было не только плохое, но и хорошее. Однако затея в конечном счете провалилась, «моральный кодекс строителей коммунизма» бесславно ушел в небытие, оставив нравственный вакуум. А общественная природа не терпит вакуума, она требует нравственных законов, иначе – полный беспредел.

Не случайно одна из особенностей нынешней российской власти заключается в попытке найти идеологическую и политическую опору в религии и церкви. Но РПЦ весьма удачно демонстрирует свое бессилие, да иначе

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

и быть не может, ведь она не выполняла, по сути, свою нравственную миссию на всем протяжении истории.

Задача общества сегодня – вернуться к принципам общечеловеческой морали, укрепить их и сделать основой существования, говорить об этом открыто и откровенно. И никто не вправе упускать свой шанс в этом деле, как бы мал он ни был.

* * *

Печальный вывод состоит в том, что в России при появлении инновационного спроса, благоприятной возможности для предпринимательской инициативы вопрос не решается с помощью частной предпринимательской инициативы, как это происходило и продолжает происходить в развитых экономиках. Отсутствие инициативы снизу или ее блокирование, когда она есть, вынуждает правительство брать на себя эту функцию, вместо того чтобы создавать условия для инициативы, регулировать рыночные экономические отношения. Если такая инициатива и возникает, то государство тут же стремится подавить ее или подмять под себя, даже если она вполне соответствует интересам государства. В результате создаются государственные корпорации на инновационных направлениях развития, вместо того, чтобы дать простор предпринимательской инициативе и помогать ей с помощью административных, законодательных и экономических рычагов.

Со временем это подавление экономической инициативы, инновационного предпринимательства, за редким исключением (Строгановы, Демидовы, которые, по сути, были частными проводниками империалистической экспансии государства, затем короткая эпоха бурного развития капитализма после реформ Александра II и Столыпина), вошло в автоматизм: не дозволено, а почему – потому что без государева соизволения. Самое печальное то, что этот принцип поддерживается не только, может быть даже не столько и не всегда самой властью, сколько менталитетом общества, привычным стереотипом поведения, исторической траекторией.

Засилие государства, неограниченность власти, ее бесконтрольность – традиционные черты, неизбежно, на каждом историческом этапе ведущие к бюрократизации управления, разбуханию аппарата, неэффективности. Смена модели управления, даже политического режима, казалось бы, должна вести к реорганизации, устраняющей эти явления. Отчасти так и происходит в непосредственный послереволюционный период, но очень скоро традиционный процесс бюрократизации возобновляется с еще большей силой. Так было после реформ Петра I и с особой выразительностью дважды в XX в. С одной стороны, самовластие и, следовательно, безудержная централизация власти, ее сосредоточение в руках властителя требует бюрократической

опоры и обеспечения хоть какого-то движения управленческой информации снизу вверх и управляющих воздействий сверху вниз. С другой стороны, слой бюрократов, этих государевых служилых людей становится верной опорой авторитаризма, действующей власти, из рук которой получает соответствующие привилегии и стимулы к размножению.

В условиях государства «ордынского типа», модели авторитарной государственной власти могла ли возникнуть и утвердиться политическая культура, хотя бы среди правящей элиты, не говоря и об обществе в целом – вопрос риторический. Отсутствие политической культуры, неумение согласовывать стратегию и тактику, выработать компромиссы, жертвовать частным ради общего со всей безобразной последовательностью проявились в эпоху двух российских революций XX в. И это до сих пор не стало уроком для политических сил страны.

Необходимо постепенно и целенаправленно изживать исторически обусловленные свойства национального менталитета и стереотипы поведения, воспитывать такие черты, как свободомыслие, предприимчивость, творческое и бережливое отношение к труду. Это ли не актуальная национальная идея – избавиться от тяжелого наследия тоталитаризма в национальном менталитете. Тем более, как показывает опыт предреволюционной попытки реанимации имперского национализма, с одной стороны, и послереволюционной пропаганды строительства нового общества на базе уничтожения старого – с другой, лозунг прославления прошлых достижений и успехов, как реальных, так и мифических, расслабляет, а мобилизуют энтузиазм и творческий потенциал как раз призыв к борьбе с недостатками прошлого, преодолению ошибок и созиданию нового.

Самое тяжкое наследие, которое оставила нам история России, это, пожалуй, отсутствие уважения к человеку, не к людям вообще, а к каждому отдельному и конкретному человеку как к личности, кем бы он ни был. Это важнейшее условие социокультурного и социоэкономического развития, всякого движения вперед. Это основа для создания эффективной и независимой судебной и правоохранительной системы, благоприятного инвестиционного климата, институтов защиты прав собственности и предпринимательства и всего того, о чем сейчас много говорится и мало делается. А между тем именно в этом корень проблемы, а не во многих более частных вопросах типа всяческих реорганизаций, модернизаций и т.п. Первое, что необходимо сделать, это осознать проблему и реальное положение вещей.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Литература

1. Ключевский В.О. Литературные портреты. – М.: Современник, 1991. – 463 с.
2. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М.: АСТ, 2011. – Код доступа: http://royallib.com/book/kostomarov_n/russkaya_istoriya_v_gizneopisaniyah_ee_glavneyshih_deyateley.html
3. Солженицын А.И. Красное колесо. – Код доступа: <http://eknigi.org/belletristika/27757-aleksandr-solzhenitsyn-krasnoe-koleso.html>
4. Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. – Код доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Solovev/istorija-rossii-s-drevnejshih-vremen/
5. Церковная реформа Петра I / Русская историческая библиотека. – Код доступа: <http://rushist.com/index.php/tutorials/plat-tutorial/199-plat-tut-113>
6. Hofstede G. Cultural consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. – Beverly Hills (Cal.): Sage Publ., 2001.